Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Финансовая депривация

... или финансовая кастрация. Тут уж кому как удобнее.
Хочу предупредить, что данные фантазии будут оставаться безопасными только до тех пор, пока они будут фантазиями. Если вдруг вам эта история безумно понравится, и вы замечтаетесь, помните: в реальности всё будет совсем не так. Даже не думайте так играться! Хотя, если честно, это дело каждого...
С уважением, ваш покорный слуга — eric.
Многие меня не поймут, но я, наконец, решился! Признаюсь, решение было не самым трудным, но всё же. Я всегда хотел попробовать нечто такое, что не просто заставило бы пережить острые ощущения, а буквально взорвало бы мои эмоции! Заранее прошу не осуждать меня, ведь у каждого свои пристрастия, у меня они вот такие. Я, состоятельный молодой мужчина, добровольно передавший все свои деньги и всё своё имущество в распоряжение незнакомой мне женщине. Всё до последней копейки! В настоящий момент я не могу позволить себе даже малой доли того, что мог позволить еще недавно. Женщина оказалась жестокой и без всяких сюсюканий поставила автора этих строк в такие мучительные условия, что у меня от такого полёта вниз до сих пор кружится голова.
Я, запросто вертевший миллионами, теперь вынужден запаривать «Доширак» в компании с гастарбайтерами. Я, еще вчера имевший возможность менять женщин как перчатки, теперь бессильным взглядом провожаю юбки. Я, еще вчера имевший возможность высказать что угодно и кому угодно, теперь лишний раз не смею раскрыть рта. Но разве не этого я хотел? Именно этого! Жалею ли? Да! А теперь по порядку.
***
Еще в юном возрасте, познав радость общения с прекрасным полом, я быстро понял, что мне в этом общении чего-то не хватает. Какой-то остроты. Даже если девушка или женщина хороша собой и у нас с ней получался замечательный секс, по его завершению я обречен был испытывать сильную тоску. Однажды моя подруга начала ругать и обзывать меня во время секса. Тогда это воспринималось как что-то новое и ужасно понравилось. Я просил её делать это постоянно и вскоре уже не мог кончить без её грубостей. Расставшись, я скучал даже не по ней, а по этим её словечкам. Потом я встретил еще одну девушку — прирожденную верхнюю. С ней я познакомился со сладким миром боли, причиняемой женщиной. Тот мир был прекрасен, но впереди ждало расставание. А всё потому, что мы быстро сожгли нашу страсть и стали друг другу неинтересны.
Обыкновенные отношения с обыкновенными девушками никак не клеились: я мечтал о госпоже! Но не просто о госпоже, которая слегка унизит и накажет, а о шикарной домине, которая заставит страдать по-настоящему. Которая действительно возьмет мою жизнь в свои руки и сделает именно так, как она хочет. И самое главное, чтобы при всем при этом у меня не было своего мнения и права голоса! Дабы Она и только Она решала, кто я, и как буду жить. Дабы я не мог сказать ей: «знаешь дорогая, сделай так-то и так-то... а вот так мне не нравится... « Дабы безропотно находился у её ног и, затаив дыхание, ожидал совершенно неизвестного мне решения. Но я был богат, а деньги, как ни крути, в сегодняшнем мире — сильный аргумент. Поэтому стоя на коленях возле изящных ног женщины, я понимал, что в любой момент могу отказаться от выполнения её прихотей. А если надоест, могу вообще

встать и послать всё нафиг! Меня такое положение дел не устраивало, оно не давало почувствовать всей глубины происходящего. Мне хотелось стоять на коленях и знать, что в любом случае деться я уже никуда не могу и что теперь, по щелчку её пальцев, моим новым домом окажется картонная коробка от холодильника. И что должен я вести себя осторожно и быть послушным.

Оказалось, найти женщину готовую взять мою жизнь в свои руки, далеко непросто. Нет, тупых куриц готовых принимать бесконечные дорогие подарки — хоть отбавляй, а именно умных красивых и коварных женщин, очень мало. Я не хотел оказаться во власти откровенной дуры, мне нужна была интеллектуально развитая и хитрая особа. К тому же, чтобы при всем при этом, с хорошими внешними данными. Вот необходимые качества моей повелительницы. Считаю, что при моем солидном состоянии я вправе быть придирчивым. Тем более, я выбирал не просто госпожу, а фактическую распорядительницу своей судьбы, своего имущества и своих миллионов.

У меня ушло три месяца, и на моё счастье, я таковую женщину нашел. Спустя некоторое времени я понял, как мне повезло, ведь в ней слились все те нужные качества. Она быстро поняла, чего я хочу и на моей шее начала стремительно затягиваться удавка, которую я сам на себя с удовольствием надел. Удавку она сдавливала хоть и быстро, но очень красиво и даже вдоволь поигралась со мной. Правда играться начала не раньше, чем поняла, что я уже бессилен что-либо поменять.

Я не мог представить, что когда петля затянется, эта женщина, метафорически выражаясь, нацепит на меня такое количество новых «удавок», что я даже пошевелиться не смогу. По итогу вышло, что перетянув меня «веревками», эта коварная красотка не просто унизила меня, но полностью уничтожила и втоптала в грязь! Я ползал в её ногах моля о пощаде, моля о том, чтобы она вернула мне хоть часть моей финансовой состоятельности, но мои слова уже не имели никакого значения.

Быстро обобрав до нитки, она стала загонять меня во всё более строгие рамки. Я ощутил, как можно моментально потерять контроль над ситуацией и оказаться не вправе что-либо возразить. Полёт с вершины на дно длился недолго, в итоге я оказался у ног женщины полностью в униженном состоянии. Однако почувствовал я совсем не то, о чём фантазировал.

***

С юности я не считал себя золотым мальчиком, хотя становясь старше начал понимать и узнавать, как выглядит зависть в глазах других людей. Прошло время, и я понял, что я им все-таки был. Я рос обеспеченным ребенком, затем стал мажористым подростком, а потом — состоятельным молодым человеком. От армии меня отмазали, в институте всё было куплено, а рабочее место мне сразу было обеспечено в качестве управляющего. Короче, социальные рубежи я проходил благодаря деньгам и связям родителей. Когда их не стало, и я остался один, то начал понимать, что не всё в этой жизни просто и гладко. Но унаследованных финансов оставалась уйма и при грамотном распределении, мне бы хватило их на несколько жизней.

Крупный бизнес, который развивал отец, у меня отобрали практически сразу. Умные мальчики юристы в дорогих костюмах быстро сделали так, что в огромном предприятии мне больше не принадлежало даже половой тряпки. Хотя тряпка, теоретически, принадлежала, так как в новом совете директоров, видимо пошутив, решили назначить меня уборщиком офисных и производственных помещений. Тогда я впервые почувствовал у себя какое-то

невероятное внутреннее состояние, представив, как буду мыть полы, а бывшие конкуренты моего отца, будут сидеть в креслах директоров нашего семейного предприятия.

Страх, стыд и возбуждение по-новому растормошили мои фантазии. Возможно, если бы кроме этого предприятия у меня больше ничего не было, я согласился бы на столь унизительную должность, но на тот момент ко мне перешел ещё один второстепенный бизнес, куча имущества, плюс деньги на банковских счетах. Так что горевать и пробовать себя в новой роли уборщика, мне было некогда. Кстати, такой сценарий я потом не раз отыгрывал с девушками из элитного эскорта: на фоне всех событий мои фантазии воспылали жарким пламенем.

Я встречался с красивыми девушками, весело проводил время. Пил дорогой алкоголь, посещал рестораны. Покупал новые машины, дарил девицам подарки. Делами мне заниматься было некогда, и вскоре я потерял второй бизнес. Но и тут расстраиваться было некогда: денег у меня оставалось так, будто я их и не начинал тратить!

Каждый раз всё шло по кругу: девушки, рестораны, роскошный досуг. Через год такой жизни я понял, что хочу чего-то другого. А именно того, что с самой юности преследует меня в сексуальных фантазиях. Это «что-то» уже почти полностью сформировалось в ясное желание, которое я мог выразить словами. Эффектная женщина по имени Доминика вторглась в мою жизнь как ураган! Случайное знакомство, разговор, два коротких свидания и томительное ожидание сексуальной близости. Однако Доминика не спешила в мою постель. За бокалом шампанского в ресторане, я подробно рассказал ей о своём желании, которое к тому моменту просто рвалось из меня. Доминика отреагировала на мои слова сдержанно, и позже я понял почему. Она сказала, что уже слышала подобные предложения от мужчин, но всё заканчивалось тем, что, добившись интимной близости, они просто исчезали. Доминика сказала, что если я так сильно хочу стать финансовым рабом, и познать настоящее моральное унижение, то должен доказать это. Простая болтовня еще ни о чём не говорит, может, я получаю удовольствие от самого разговора, а не от факта.

Короче, чтобы доказать свои намеренья я должен немедленно опустошить всё содержимое своих банковских крат! Я сказал, что там слишком много и если перевести всё в наличные, это вряд ли войдет в один кейс. Улыбнувшись, она сказала, что это тот необходимый шаг, который пролегает между пустозвоном и человеком действия.

И началось.

На следующий день я снял все деньги, хранившиеся на моих счетах, и повез ей. Встречу она мне назначила в дорогом гостиничном номере, который я обязан был забронировать и оплатить. Когда большой кейс набитый максимально крупными банкнотами рублей, долларов и евро лег на стол, Доминика приказала раздеться и встать на колени. Я сделал это и стал ожидать действий с её стороны. Но она, как ни в чем не бывало, посмотрела на деньги, закрыла кейс и, взяв его, направилась к выходу.

— Это всё? — спросила она оглянувшись.

— Абсолютно всё. Больше денег у меня нет.

— Чудесно. Но это я еще проверю.

Она пошла дальше, но я остановил её скулящей мольбой:

— Постойте! А что делать мне? Может, вы останетесь?

— Сегодня я занята. Ты должен ждать моего звонка. Я позвоню и скажу делать дальше. Первый шаг ты сделал, молодец. Но пока ты еще вполне независим. Чтобы эту независимость

потерять, ты должен передать мне всё остальное, что у тебя есть.
— Может, уделите мне чуточку времени?... — Мне почему-то вдруг сильно захотелось кончить у её туфель. — Прошу! Всего пять минут...
— Сделаешь, как я сказала — уделю тебе время. А сейчас мне пора.
Несколько секунд я наслаждался приятным стуком её каблуков, так и оставшись на коленях посреди роскошного номера. Меня переполняли необычные чувства. Словно и без того натянутые струны, натянулись сильнее. Но предела натяжению пока не наступило. И я знал, что наступить оно должно именно тогда, когда под её контроль попадет остальное. Мне казалось, это единственное правильное решение и других вариантов уже не видел!
Я честно передал ей все свои деньги, не утаив для себя даже нескольких тысяч долларов. Всего за минуту я утратил статус долларового миллионера. Осознавая свой новый статус, я начал дрочить и обкончал ковер.
***
На следующий день она приказала мне явиться в одну юридическую контору, где её люди начали подготавливать документы. Солидный офис в бизнес-центре встретил меня улыбками и хорошим кофе. Впереди ждал целый ряд подписей, и тут я засомневался! Мне стало страшно. Денег у меня уже не было, а теперь, несколько раз взмахнув рукой, я лишался всего остального. Вообще всего!!! То есть меня ожидала не просто бедность, а полное нищенство! А ведь Доминика мне совсем незнакома! Я не знаю о ней ничего! Вряд ли эта длинноногая цаца пожалеет меня. Она с удовольствием отправит мою жизнь на дно.
Отбросив бумаги, я выскочил из юридической фирмы, жадно глотая воздух. У меня случилось что-то вроде панической атаки. «Нет, всего этого не может быть! Почему я такой дурак?!» — звучало у меня в голове. Вероятно, я допустил в своей жизни ошибку, но успокаивало то, что я пока мог всё остановить. Я бы так и сделал, но ситуацию скорректировала Доминика: в моем кармане зазвонил телефон. Она запретила мне распускать нюни. Сказала, что вечером ждет у себя, назвала адрес.
По идее, это та ситуация когда я еще был вправе заявить об отказе играть в эту опасную игру и потребовать деньги обратно. Одно моё слово могло решить исход и спасти от падения. Но внезапно нахлынувшая волна животной похоти затуманила мой мозг! Мои сексуальные задумки разогрелись до такого состояния, что невозможно было их контролировать. Перед глазами поплыли представления о том, как я стану полным финансовым рабом у этой девушки... как она будет крутить мной словно игрушкой...
Короче, я обязался приехать ровно в назначенный час.
***
По адресу была отличная новостройка, многоэтажный дом. Мне подумалось, что теперь буду знать, где живет моя финансовая госпожа. Поднялся на этаж, позвонил в дверь. Доминика встретила с распущенными волосами в бежевых обтягивающих лосинах и белой домашней маечке. От нее исходила аура женственности и сексуальности. Таких женщин просто дико хочется! Я почувствовал прилив внизу живота. Она с теплом улыбнулась, и я уж было подумал, что мы сейчас пройдем на кухню, попьем чаю, пообщаемся... ага... размечтался.
— Разувайся, раздевайся и на колени, — приказала она. Голос у нее был мягкий, но тон возражений не допускал. Стоило бы мне отказаться — вылетел бы за порог без разговоров...
Через минуту я оголился и занял извечную позу раба.
— Вообще привыкай, это теперь твоя постоянная позиция, — сказала она. — Вставать на

колени ты должен всегда. Не забывай, какую участь ты себе выбрал. Ползи за мной.
Она пошла в большую комнату и села в кресло, мне приказала стоять на коленях прямо напротив. Я молчал, понимая, что говорить должна она.
— Мне сказали, что ты сегодня устроил концерт. Начал капризничать, отказался подписывать. Ты понимаешь, что это нехорошо? Я наняла неплохих юристов, заплатила им. Такса у них немаленькая. Ты ведь теперь парень без денег и платить вынуждена я.
Она встала с кресла и через секунду её лицо оказалось рядом с моим.
— Ты думаешь, я позволю тебе, ничтожеству, так обращаться с моими деньгами?! Что ты себе позволяешь?! Запомни, ты не должен доставлять мне проблем, а должен делать так, как я тебе говорю! Понимаешь?
Я был потрясен; это почти то, чего я хотел! Беспомощность и тонкая грань... за которой меня ждали бедность и нищета. Казалось — вот оно счастье! Но в тот миг я не смог надолго удержать и распробовать эту обжигающую сладость.
— Я Вас понял. Извините. — Мой голос, наверное, был похож на голос провинившейся шлюхи.
Доминика потрепала мои волосы и погладила шею. Затем легонько ударила по щеке. Потом еще раз и сказала:
— У меня имеются серьезные связи: сегодня я всё про тебя узнала. Где родился, где рос, кем были твои родители и всё прочее. Банальная у тебя биография. Еще я узнала, что ты не обманул меня: с твоих банковских счетов действительно было списано всё до последнего цента и эта сумма прямо до доллара совпадает с тем, что было в кейсе. Ячеек у тебя нет и счетов в офшорах тоже. Сейчас у меня на руках весь перечень твоего имущества. Две квартиры в центре, машины, парковки, три пустующих офиса. Всё вместе потянет лямов на четырнадцать долларов.
— Это так! — торопливо вклинился я. — Могу начать готовить всё к продаже.
— Молчи. Ты больше ничего не будешь делать, все, что нужно — сделаю я. Потому что я теперь решаю твои финансовые и административные вопросы. От тебя мне нужно всего три подписи. Имущества ты пока не лишишься, но это даст право мне самой им распоряжаться.
— Так легко и просто? — удивился я. — Мне казалось, что это такая бюрократическая волокита.
— Оно так, но я ведь сказала — связи. И вообще, это не твоё дело. Не задавай вопросов. Просто заткни рот и подписывай.
Она присела на корточки и заглянула в мои глаза:
— Сейчас ты можешь включить заднюю, начать ставить условия или попытаться всё затянуть... только хочу чтобы ты знал: я уже запустила кое-какой механизм.Так что в принципе, мне даже твои подписи особо-то не нужны. После того как ты предал моим юристам все свои документы и даже, убегая, оставил у них паспорт, мне не составит проблем сделать всё что нужно. Теперь ты при любых обстоятельствах лишишься всего, вопрос в сроках. Поэтому будь послушным мальчиком и не доставляй хлопот. Если бы ты знал, с кем связался... ты для меня легкая добыча, я бы сказала — десерт. — Правда? Можно узнать, чем Вы занимаетесь?
Доминика хитро улыбнулась и ответила:
— Таких лохов как ты оставляю ни с чем. Правда, против их воли. Судя по моим данным, ты уже два раза был знаком с рейдерским захватом? Вот.

— Я удивлен, Доминика. Честно. Наверное, нас с Вами свела судьба.
— Может быть, всё намного прозаичнее, — сказала она, и в этот момент мне не понравилась её странная улыбка. Её сладкие и пышные губы намекали о чём-то важном, и я попытался спросить, но был заткнут. Я вдруг подумал, что еще до нашего первого знакомства уже где-то встречал эту женщину.
— Для раба и чмошника, ты слишком болтлив. Заткнись и ползи за мной.
Мы оказались на кухне. Я по-прежнему на коленях, она с кружкой чая за столом. В её квартире была уютная обстановка. А у меня почему-то вдруг встал член. Он кстати скромного размера — всего 9 сантиметров. Признаюсь, что никогда не ощущал себя сильным с мужской точки зрения. Может быть, в этом причина того, что я быстро надоедал девушкам, может в темпераменте, который формировался под влиянием короткого члена. Не знаю. Однако я понимал, иметь маленький член и много денег не так страшно, как иметь маленький член и не иметь денег.
— Можешь подрочить, — разрешила она, увидев мою эрекцию. — Только не смей кончать. Просто подрочи, хочу посмотреть на это. Начинай медленно и осторожно.
Доминика отставила кружку с чаем и на минуту куда-то ушла. Вернулась она в нижнем белье и в туфлях на шпильках. Её кружевные лифчик и трусики великолепно смотрелись на гладкой коже. С собой она принесла бумаги и ручку, положив их на стол. Сама встала возле меня и снова потрепала за волосы.
— Ты ведь всегда этого хотел, правда? — в полголоса спросила она. — Хотел лишиться всего и стать беспомощным. Смотри, как просто ты лишился миллионов. Всего день назад ты был богатым, а теперь у тебя вряд ли есть даже на поход в магазин. Ты ведь, наверное, даже еще не понимаешь, что такое быть бедным, ведь ты им никогда не был. Ты никогда не смотрел на ценники в магазинах, а всегда покупал, что тебе хочется. Обещаю, уже скоро ты почувствуешь такие острые ощущения, что осознаешь всю истинную суть реальности. Я окуну тебя в новый мир жизненной остроты. Будешь смотреть, как другие мужчины наслаждаются жизнью, а сам тем временем будешь страдать. Но я научу тебя получать удовольствие от этих страданий. За это ты потом еще будешь благодарить меня. На столе лежат бумаги и ручка, всего три твои подписи и из этой квартиры ты выползешь никчемным жалким существом, которое полностью зависит от моей воли. После этих подписей ты уже реально не сможешь ни на что повлиять. Вставай, беги, пытайся повернуть всё обратно или подписывай и продолжай сладко дрочить. Я даю тебе выбор. Решайся. Что сильнее, твоя похоть или чувство самосохранения? Для тебя оказаться нищим — считай равносильно уничтожению.
Её трусики оказались на уровне моего лица. Моя рука всё активнее работала с членом. О, какое идеальное у неё тело! Какая кожа! Жаль нельзя прикоснуться. А может попросить? Да, попрошу.
— Доминика, я могу рассчитывать на какие-нибудь привилегии?
— На привилегии могут рассчитывать мужчины, которые держат ситуацию в руках. Ты мог бы рассчитывать на любые привилегии, если бы на коленях стояла я. Но на коленях — ты. На самом деле ты сейчас и так получаешь слишком много. Ты не сидишь в грязном подвале, и тебя не мутузят бритоголовые верзилы. Тебя не везут на окраину города копать яму. Ты стоишь в светлой квартире перед красивой девушкой, которая вполне мило с тобой общается. Разве это не привилегия? Конечно, если хочешь, могу тебе устроить, о чем только что сказала.
— Нет, пожалуйста, не надо, — покорно произнёс я. — Доминика, я хочу прямо сейчас всё

подписать.
— Отлично.
Я с неохотой убрал руку от члена и потянулся к столу за бумагами. Затем схватил ручку и стал искать место для подписи, но в этот момент получил крепкий подзатыльник.
— Нельзя ничего хватать! Вокруг тебя нет ни единой вещи, которая бы тебе принадлежала! Поэтому веди себя спокойно и о каждом своём намеренье спрашивай разрешения.
Она взяла листы и положила их на пол, передала мне ручку, а после, носочком своей лакированной туфельки, стала показывать место, где я должен был подписаться. На подписи ушло секунд двадцать, так как я намеренно медлил и наслаждался моментом. Затем она приказала подать ей бумаги, взяла их, и под стук шпилек унесла в другую комнату.
Внутри у меня было странное чувство: вроде бы кайф, но не очень.
Доминика вернулась и, увидев, что я снова взялся за член, влепила мне сильную пощечину.
— Руки заведи за спину! На коленях стой ровно. Голову вниз. Смотреть в пол!
Она села на диванчик и закинула ногу на ногу. Одна из её туфель оказалась на уровне моего живота. Угрожающе блестела острая шпилька.
— Вот и всё, полудурок, теперь ты нищий, — и засмеялась. Хотя мне почему-то стало совсем не до смеха. К горлу подкатил горький ком. — Но это только начало. Все твои унижения, о которых ты так мечтал, еще впереди. Хочешь что-нибудь на это сказать? Только не молчи, а то это твоё последнее право высказаться.
— Д-д-давайте... давайте... аз... мм... — я тупо растерялся.
— Что заикаешься, чмошник? — захохотала она. — Ты сейчас так жалок. Прям настоящий лузер. Фу, а еще этот твой отросток! Это разве член? — её туфля спустилась к моему достоинству. — Знаешь, у меня есть друг, его зовут... неважно, как его зовут, это красивое восточное имя, не то, что у тебя... так вот у него хуй три твоих. Я люблю проводить с ним время. Кстати, он может скоро прийти, так что додрачивай своё униженное достоинство и проваливай. Ему на глаза лучше не попадаться, у него с такими лошарами разговор короткий: будешь тут под плинтус щемиться. Ахаха.
Шпилька коснулась члена, и Доминика сексуально облизнула губы.
— М... м... можно ли кое-что п-п-предложить? — испуганно пробормотал я
— Давай уже!
— Я... я... б... б-боюсь оказаться на улице. М... м-м-может составим контракт где будут п... прописаны условия моего проживания?
— Дурачок! Кто же подписывает контракт с тем, кто потерял все инструменты влияния! Ты только что самоуничтожился, а теперь просишь контракт?! Ну, ты и тупица. — Доминика царапнула член, намеренно сделав это как можно больнее, и сказала. — Всё же я подпишу с тобой соглашение, правда, полностью на моих условиях.
Я не стал отстраняться от её шпильки, а напротив подставил член так, чтобы ей было удобнее еще раз хорошенько его царапнуть. Затем, когда эрекция пропала, она села поудобнее и вдавила подошвой член в яйца. Прикусив губу, я терпел.
— Боишься остаться на улице, говоришь? Хорошо, пока не останешься. Но про свою крутую квартирку можешь с этой минуты забыть. Ты там больше никогда не появишься...
— А как же вещи?
— У тебя больше нет вещей!
— Но я хотел немного по-другому...

— Плевать, как ты хотел. Всё будет, по-моему.
Она встала, обошла меня сзади и пиками погнала по коридору в прихожую.
— Надевай своё шмотьё и отдавай ключи от квартиры. С этого дня будешь жить в другом месте. Я не могу быть уверенна, что ты действительно отдал мне все деньги и что у тебя не было заранее припрятано энной суммы где-нибудь в шкафу или за батареей. Обыски мне устраивать некогда. А еще, деньги ты мог спрятать в одной из своих машин. Поэтому приближаться тебе к ним запрещено. Тебе вообще запрещено приближаться к какому-либо своему бывшему имуществу ближе, чем на километр. Одевайся,чё вылупился!
Она сходила накинуть на себя короткий шелковый халатик, а я тем временем уже обувался. В её взгляде, в её губах и во всех движениях читалось столько эротики, что я в очередной раз ощутил теплый прилив внизу живота. А осознание того, что эта эротика мне недоступна, заставило дрожать мои пальцы.
— И еще, я не знаю, насколько ты хитёр и мог ли, например, закопать для себя немного денег где-нибудь в нейтральном месте. Поэтому сейчас, внизу ждет человек, который нацепит на тебя электронный браслет. Браслет неснимаемый и благодаря ему мне будут докладывать о каждом твоем шаге. Так что не шути, любое твоё подозрительное поведение повлечет за собой полный разрыв всех наших отношений.
— Я Вас... п... п-понял. А на что мне жить?
— На днях дам пластиковую карту. На ней будет установлен лимит в десять тысяч рублей. Каждый месяц будешь получать по десятке. За провинности лимит будет сужаться. И так — до нуля.
— А к... к-как же контракт? Вы обещали...
— Получишь контракт вместе с картой! Всё, двигай, я и так потратила на тебя слишком много времени.
Она вытолкнула меня за порог.
На улице меня ждали поздний вечер и весенняя сырость. А еще поджидал суровый мужик в стильном пальто, который по-военному приказал задрать штанину и нацепил мне на ногу отслеживающее устройство. После этого я зачем-то спросил, что мне теперь делать, а он вручил мне ключи от новой квартиры, листок с адресом и сказал: — Проваливай!
И я побрел, не решаясь посмотреть на листок с адресом. Потом вспомнил, что моё поведение не должно казаться подозрительным, и под светом фонарей, примерно прикинул, куда двигаться. Даже не удивительно, что адрес указывал на дальний и не самый благополучный район этого огромного города.
Яички заныли тупой болью: Доминика так и не дала мне кончить. Знакомясь с новым и странным состоянием унижения, я начал свой долгий путь на окраину.
***
Приехав в комнату и оглядев убогий интерьер, я заплакал. Ревел взахлеб. Сдавливал кулаки и зубы. Упал на пол и катался по исшарканному линолеуму. Где то дикое возбуждение, о котором я так долго мечтал? Где захватывающие чувства? Где всё?! Оказывается, это был самообман! Яички продолжали слегка ныть, в слезах я взялся дрочить, однако эрекции не было. Её не было совсем! То есть даже вялой. Онанировать такой член было невозможно. Я заплакал еще сильней.
Позже я пойму, что именно в этих слезах и этой боли и было то самое главное мазохистское удовольствие.

Утром я проснулся на полу. В солнечном свете интерьер маленькой комнатки общежития резанул по глазам. Вся мебель здесь, словно её нашли на помойке. Ржавые краны, выцветшие обои и облупленная штукатурка шокировали моё восприятие, по контрасту с роскошью, в которой я купался всю жизнь. Тем не менее, я старался не падать духом, а искать позитивные стороны своей новой практики.

***

Медленно шли дни. Курьер привез мне банковскую карту и обещанный контракт. Контракт был прост, в нем лишь говорилось о моих запретах и обязанностях. Все пункты были весьма унизительны для свободного человека. Первым шел пункт, полностью запрещающий мне любой контакт со всеми моими друзьями и подругами. Ниже шло уточнение, что любое подозрение в общении с кем бы то ни было, карается моментальной блокировкой карты.

Запрет покидать данную комнату сроком более чем на 1 час в сутки, наказывался пятидесятипроцентным сокращением остатка по счету, а двукратное нарушение, лишало меня денег на месяц вперед.

Невыполнение каких-либо приказов хозяйствующего лица (Доминики) каралось разрывом всех отношений и выселением меня из данного жилища! Шло уточнение, что любой заданный мною вопрос хозяйствующему лицу, тоже может расцениваться как «невыполнение приказа». «Невыполнением приказа» считался даже пропущенный мной телефонный звонок. Это уже серьезная игра... или не игра вовсе.

Таких жестких условий я себе представить не мог. По сути, мне оставалось сидеть в этих стенах, ни с кем не общаться и покоряться её приказам.

Внизу стояла её подпись и печать. Ниже, под фразой «подвластный субъект» должен был подписаться я. Дочитав до конца, я возбудился и обильно кончил.

***

Я понял, какой огромной силой обладают деньги, только полностью их потеряв. В те дни я бы с удовольствием смотался дней на пять на какой-нибудь курорт, прихватив с собой девушку из модельного агентства. Но курорты я теперь могу посещать только в воспоминаниях. Также я сильно скучал по рулю. В моём подземном гараже остались две новые «БМВ», «Ауди» и пара американских внедорожников. Быть может, на них теперь ездит кто-то другой...

За окном буйствовала весна, а мне было тяжело. Удовольствие удовольствием, но я понятия не имел, что жить практически с нолем в кармане окажется так сложно. Но деваться было некуда, и я пробовал встроиться в новый ритм, сделав эти некомфортные условия приемлемыми для жизни.

Доминика два месяца не появлялась в моей жизни, хотя, не знаю почему, я её присутствие чувствовал постоянно. За все эти дни не было ни минуты, когда бы я о ней не думал. Даже в своих снах я стоял перед ней на коленях. Эта женщина всецело вторгалась в мою жизнь, и я даже не знал, радоваться мне или печалиться, чувства были смешанными.

А между тем я всё ждал прихода того истинного счастья, которое собирался получить от всей этой авантюры. Но ничего, кроме осознания, что я полный лох, не было. Теперь можно кричать, беситься, стучать кулаком в стену — это ничего не изменит. В моём распоряжении только карточка, которая раз в месяц пополнялась десятью тысячами рублей и комната общежития, в которой я живу на птичьих правах.

В один из дней, Доминика, а я связал этот момент с переходом в её собственность всего моего имущества, начала играть по-серьезному. Она позвонила и сказала, что теперь я буду жить

под полным домашним арестом. То есть мне вообще запрещено покидать комнату, а всё необходимое будет приносить курьер.

Забыл сказать, что в комнате не было ни компьютера, ни даже телевизора. Было лишь немного потрепанных книг, которые я перечитывал с большим удовольствием. (Благодаря чему и научился хоть немного писать.) Но уже вскоре Доминика пошла на еще более сильное изощрение, наняв команду грузчиков, которые забрали всю жалкую мебель и даже те книги. Я ревел как ребенок и ничего не мог сделать. В тот же вечер Доминика позвонила и издевательским тоном спросила, как я там поживаю. Я робким и заикающимся голосом ответил, что всё в порядке. Она спросила, всё ли меня устраивает, и я не посмел найти другого ответа кроме как — «да». Она положила трубку, а я подумал, что дальше будет только хуже.

Так и вышло!

Однажды утром приехали двое и установили в комнате видеонаблюдение. В тот момент я окончательно утратил право на личную жизнь. Психологически, постоянный видеоконтроль стал для меня самым сложным испытанием. Холодный взгляд объектива видеокамеры словно заглядывал мне в душу. Под контроль попала даже моя дрочка — единственное удовольствие, которое у меня оставалось!

Ах, если бы я знал, что эта женщина окажется такой жестокой.

Как бы то ни было, Доминика дала мне даже больше, чем я хотел. Я хотел финансового контроля, унижения, а получил: слезы, страх, позор, строгие рамки, тотальный контроль, и большую угрозу настоящего личностного уничтожения. Надо признать, она сработала мастерски.

***

Пошли первые дни лета, а я между тем сходил с ума. По мнению Доминики, я вел неправильный образ жизни, за что был наказан пятидесятипроцентным (!) снижением перечислений. Попытка объяснить, что круглосуточное сидение в пустой квартире, где нет ничего кроме голых стен, не может способствовать какому-либо другому образу жизни, обернулась мне еще двадцатипроцентным снижением. А вдобавок к этому она приказала по два часа в сутки стоять на коленях прямо напротив камеры. При этом я должен был быть голым, руки заводить за спину и смотреть строго в объектив.

Пожив в таком режиме несколько дней я взорвался!

— Ты жестокая стерва!!! — кричал я в эту чертову камеру. — В кого ты меня превратила?! Садистка! Хочешь, чтобы я в этих стенах умом тронулся?! Всё, я больше так не могу, хочу вернуть всё обратно! Выведи меня из игры. Ты настоящая хищница и я это уяснил, но прошу — хватит! Перестань мучить, с меня хватит!

Я опять плакал как баба, а вечером зазвонил телефон. Она приказала завтра днем явиться по указанному адресу.

***

На сей раз адрес привел меня в коттеджный поселок. Роскошь некоторых домов заставляла испытывать чувство обиды. Мне в таких домах теперь уже никогда не быть хозяином. Мальчиком на побегушках — может быть, но хозяином ни-ког-да.

Указанный дом оказался величественен — настоящий дворец. Его окружал высокий забор, всюду росли ели и сосны. Я позвонил в домофон и голос моей госпожи строго сказал:

— Слушай внимательно: проходишь на территорию, сразу налево, увидишь первый фонарный столб — вставай рядом с ним. Стоять ты должен так же как этот столб, то есть не

шевелясь. Я сейчас занята, освобожусь — приму.
— Слушаюсь.
Мощная дверь калитки щелкнула и открылась. Я сделал точно так, как было велено: слился с декоративным фонарным столбом в единую панораму. Возле крыльца дома насчитывалось шесть припаркованных автомобилей представительского класса. Через минуту подошел мужик в пиджаке и с рацией и подверг меня досмотру прямо на месте. Забрал мобильник, грубо обшарил карманы, а уходя, предупредил, чтобы я стоял ровно и даже не думал усесться или перемещаться по территории.
Пытаясь получить удовольствие от ситуации, я намеренно встал по стойке смирно. Мой новый товарищ столб, был мне в этом хорошим примером. Какое-то время я поглядывал на величественные стены особняка и на восходящее широкое крыльцо из мрамора. Тщательно проработанная ландшафтниками территория, была огромна. Роскошные беседки, фонтанчик, кустарники, мраморные фигуры... это лишь то, что сразу бросилось в глаза. Вдалеке, за стволами сосен и высоким забором, виднелась крыша соседского особняка. В принципе, еще недавно, я бы мог без проблем стать владельцем чего-то подобного.
Пока я взглядом изучал обстановку время шло как обычно, но когда рассмотрел все доступные мне с данной позиции ракурсы, оно стало замедляться. Я считал про себя секунды, затем считал шепотом. Эти секунды складывались в минуты, минуты в часы.
Совсем свихнуться со скуки мне не дал вновь подошедший секьюрити.
— Раздевайся! — приказал он.
— В смысле, как?
— Одежду с себя снимай, вот как!
— Но, почему?
Мало того, что само ожидание уже начинало меня бесить, так еще и зачем-то требуют раздеться.
— Так хочет хозяйка, — ответил он. — Еще вопросы есть?
— Вопросов нет... — я опустил голову и начал раздеваться.
Я снял с себя всё, включая носки и трусы. Мужик достал из кармана пакет для мусора, затолкал туда вещи и ушел вместе с ним. Я пододвинулся назад к столбу, чтобы босыми ногами стоять не на асфальте, а на газонной травке.
А вот эта ситуация поунизительнее. Голышом неподвижно стоять возле столба в окружении всей этой роскоши... ах, Доминика — ты настоящая изуверка! Но назло всему я буду стоять сколько угодно! Хоть еще два часа, хоть до ночи! И что бы ни случилось, буду держать спину прямо, а руки строго вертикально. Ты думаешь, что я тут страдаю?! Да фига с два — я ловлю кайф! Хорошо, что я заранее сходил в туалет и с самого утра почти не пил воду.
***
Теплый день тихо и мирно сменился теплым вечером. Однако вскоре задул ветер. За считанные минуты он пригнал тучу и заморосил дождь. Капли были теплые, но всё равно я стал замерзать. Где-то за лесом сверкнула молния, и громыхнул гром. У меня застучали зубы. На асфальт повылазили дождевые черви. Мой боевой настрой стоять до победного, резко сменился унынием. Плюс ко всему я захотел по-маленькому. Начавшийся дождь сыграл мне на руку: я незаметно прижал член так, чтобы струя текла на ногу. Ногу умышленно выбрал ту, где был электронный браслет. Облегчившись, я подумал, а не заняться ли мне незаметным онанизмом, но учитывая множество камер — это было бы уже слишком.

На улице еще не стемнело, но в нескольких комнатах дома зажегся свет. Дождь перестал, и вскоре зажглись фонари, их по всей территории было множество. Вслед за этим, я почувствовал оживление. Наконец-то! Не прошло и пяти часов! Из соседнего дома вышли водители и, рассевшись по машинам, завели моторы. Они меня, конечно же, видели, но не придали значения голому парню, стоящему под зажжённым фонарем. Да и я не испытал почти никакого стыда. Стыд я испытал спустя пять минут, когда под разговоры и смех из дома вышли мужчины и женщины. Я наблюдал их боковым зрением, не смея повернуться, и открыто посмотреть в сторону крыльца, но мне хватало и этого. Когда я увидел, как в одну из машин усаживается красивая блондинка в короткой юбке, мне почему-то захотелось, чтобы лампа моего фонарного столба немедленно перегорела. Меня охватил жгучий стыд.

Над воротами замигал желтый маячок и первый авто медленно проехал в нескольких метрах возле меня. На заднем сидении была та самая блондинка, и хорошо, что она даже не окинула меня своим мимолетным взглядом.

К воротам двинулась вторая машина, в ней на заднем диване сидели мужчина и молоденькая особа. Я видел, как они посмотрели на меня, видел их улыбки. Это было что-то. Я оценивал степень унижения на «десяточку». Но уже меньше чем через минуту, когда на переднем сидении следующей машины я увидел роскошную брюнетку, десятибалльную шкалу пришлось пересмотреть в сторону увеличения. Она авторитетно взглянула на меня, и от нахлынувшего стыда, я опустил взгляд.

Сказать, что я чувствовал себя униженно — ничего не сказать. Но я уже набрался духу проводить последний авто, как вдруг увидел за его стеклами знакомое лицо. Солидный мужчина лет 45-ти восседал на заднем диване нового «Кадиллака Эскалейд». Рядом тоже промелькнул профиль ослепительно красивой молодой спутницы, но плевать на спутницу, меня интересовал он! Где я мог его видеть? У меня перед глазами калейдоскопом побежали лица знакомых людей. И я вспомнил! Этот мужчина являлся главным конкурентом бизнеса моего отца. Мой отец много лет враждовал лично с ним и его мафией. Он открыто называл их аферистами и делал всё, чтобы эти люди навсегда прекратили свою деятельность, правда, делал законно, а те в свою очередь не стеснялись учинять разные преступные злодейства. Поджоги, нападения, избиения топ-менеджеров — это было для них обычной практикой. Настоящая мафия. Они не боялись ни закона, ни ответных действий. А самое плохое во всём этом, что конкурентная борьба со временем переросла в кровную вражду. Безусловно, им был необходим бизнес отца, так как без него они не могли получить монополию на рынке, но со временем, борьба за бизнес передвинулась на второй план, заменив коммерческие интересы — личными. Потом на несколько лет вражда подозрительно стихла. Затем нелепая автомобильная авария и я стал единственным наследником контрольного пакета акций, а также всех активов торгово-промышленного предприятия.

Я провожал этот автомобиль взглядом, как вдруг зажглись стоп-сигналы и свет заднего хода. Дверца открылась, он вышел прямо передо мной. Я быстро вспомнил, как его зовут по имени-отчеству. За последние годы это имя стало в нашей семье синонимом ненависти. А теперь нас разделял всего один шаг. Мы оказались с ним одинакового роста. Этот мужчина статен и красив. Одет в сильную рубашку и джинсы. Нелегко выдержать взгляд врага, который одержал победу. И я не выдержал... перевел взор сперва за его спину, туда где в салоне сидела сексапильная фифа, а затем вовсе опустил в асфальт.

Пауза затягивалась. Он продолжал смотреть мне в лицо, и я вынужден был снова осторожно

посмотреть ему в глаза. Меня словно обожгло огнем, когда я сделал это.
— Здравствуйте... — подавленным голосом прохрипел я.
Он не ответил, а через несколько секунд легким движением головы указал на землю. Без промедлений я встал перед ним на колени, оказавшись на уровне пояса. Заметив на его пальце большой перстень, я остановил свой испуганный взгляд на этом предмете. Снова повисла пауза, а затем я впервые услышал его всевластный голос:
— Я бы мог отправить тебя вслед за твоими родителями, но знаешь, в таком положении ты мне нравишься больше. Ты раб и этим всё сказано. В моих руках теперь находится всё, а то, что тебе было дорого — я уничтожил.убери! Мне нужны только яйца. — Что вы собираетесь делать?
— Ты заткнешься или нет? Ничего я не собираюсь делать.
Я взял член пальцами и оттянул в сторону. Мои яички оказались между мрамором и подошвой её туфли. Я ощутил неприятное давление, но боли пока не было. Опасная ситуация.
— Знаешь, как захватывающе видеть миллионеров превращающихся в нищих? — спросила она, увеличивая нажим. — Каждый раз я испытываю от этого оргазм. Ты ведь теперь ничего не можешь. Совсем ничего...
... И в этот момент она резко нажала, беспощадно давя мои причиндалы.
Вой разлетелся по территории. Я упал и кубарем покатился вниз. Несколько раз ударившись, я не обращал внимания на другую боль, кроме как на боль в яйцах.
Минуту я лежал на асфальте, подвывая и заслоняя руками причинное место. Потом еще минуту лежал молча. На глазах выступили слезы. Острая боль медленно отступала, а Доминика тем временем уже спустилась и встала надо мной.
— Что вы сделали? — жалобно спросил я.
— Вытри сопли, я ничего не сделала.
— Не верю. Это очень больно. Скажите зачем?
— Слушай! Тебе кто дал право задавать мне вопросы? Если я что-то решила — значит так надо. Поднимайся и еще раз клади яйца на ступень. Это еще не всё!
— Пожалуйста, не надо. Прошу вас!
— Ты ведь знаешь, если мне что-то надо я все равно этого добьюсь. Если мне хочется чтобы твои чертовы яйца лежали на этой ступени, они в любом случае будут на ней лежать. Но лучше ты сделаешь это добровольно, тогда избежишь других страданий.
Я попытался заставить себя поверить, что мне уже совсем не больно и подполз к первой ступеньке. Без напоминаний убрал член в сторону и приготовился к трамплингу. На этот раз я пододвинул яйца вперед, чтобы ей было максимально удобно наступить на них всей плоскостью подошвы. Доминика встала на ту же ступень, занесла ногу и наступила. Я тихо застонал, хотя стонать было рано: нажима как такового пока не было. Она перекатывала яички словно шарики. Назад-вперед, влево-вправо... затем... хрясь и очередной нажим. На этот раз сильнее...
У меня даже не осталось сил выть или кричать. Я просто завалился набок, тихо постанывая.
— Я еще не закончила, клади, — не давая опомниться от боли, приказала садистка.
«Давай сука, дави! Уничтожай! Делай всё, что хочешь!» — думал я, вновь пристраиваясь к ступеньке.
Бедные яички снова испытали прикосновение подошвы. Я знал, что сейчас будет что-то... и поднял глаза с одним единственным вопросом:

— Это ведь его идея, так?
Доминика улыбнулась и кивнула.
— Это чтобы ты не думал, что когда-то может состояться кровная месть... — сказала она и на этот не просто резко нажала, а даже топнула.
До этого момента мне не удалось сохранить ничего, ни бизнеса, ни имущества, ни денег, ни чести, ни свободы, ни самолюбия... а теперь еще под дамской туфелькой хрустнули мои яйца.
***
Я очнулся на траве... надо мной стоял мой друг по несчастью — фонарь. Он, сука, слепил мне глаза. Межу ног невыносимо ныло. Я обнаружил свои руки прижатыми к промежности и держащими холодный пакетик со льдом. В моем носу, а точнее в одной из ноздрей я обнаружил засунутую ватку, от которой едва-едва пахло нашатырем.
Сколько я провалялся? В этот момент, откуда-то из неосвещенной части территории, быстрым шагом появилась Доминика. На ней был спортивный топик, короткие шортики и кроссовки. Волосы собраны в пучок, а на лбу — черная спортивная повязка. Надо полагать, она занималась поздней пробежкой вокруг своего огромного дома.
— Ну, что, очнулся? Слабачок!
Она подбежала ко мне вся такая спортивная и упругая. Я перевернулся на спину, отодвинул пакетик со льдом и осторожно прикоснулся к мошонке: она была слегка опухшей, совсем чуть-чуть. Боль была странная, вроде бы приличная, но в то же время вполне терпимая. Может быть, это последствия шока?
Доминика поставила кроссовок мне на грудь.
— Мы еще не закончили! Теперь я хочу видеть на ступеньке твой член! — игривым голосом заявила она и внутри у меня всё затряслось.
— Что, обосрался? — захохотала она спустя пару секунд. — Ладно, с тебя уже хватит.
— Что вы со мной сделали, Доминика?
— Ничего серьезного.
— Пожалуйста, я хочу знать. Что теперь будет?..
— Чего ты ссышь! Ничего с тобой не будет. Я делаю это не в первый раз, и никто еще не умер. Поболит день-другой и пройдет.
— Но ведь вы их, кажется, раздавили?!
— Не раздавила. Просто заставила тебя чуть острее воспринять реальность. Ты, конечно, после этого будешь немного другим, но в твоем новом положении тебе это будет даже полезно. Чуть меньше будешь думать о женщинах. Станешь еще более покладист. Ну, а жить... жить — будешь.
— А что вы говорили о якобы невозможности совершить кровную месть?..
— Спросишь у своих будущих подруг, бомжих. Всё, ты мне надоел. Проваливай с моей территории. Разлегся здесь как кусок говна.
— Как проваливать? Куда?
— Куда хочешь!
— То есть выгоняете?
— То есть — иди на хуй.
— А как же наш контракт? Я ведь не нарушил ни одного пункта, меня не в чем упрекнуть.
— Ах, точно, контракт! Ты прав. Контракт многое меняет. Сейчас.
Моя жестокая госпожа неторопливым бегом направилась в сторону дома. Взмыла по

ступенькам и на несколько минут пропала из виду. Я тем временем щупал мошонку, проверяя целостность яиц. Вроде бы всё нормально, но что-то не то... Боль почти отступила, и я встал на ноги. Увидев Доминику — как полагается, встал на колени. Сейчас не лучшее время чтобы её злить. Она несла несколько листов формата А4.

— Это контракт, — сказала она и ткнула мне бумаги в лицо.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте подкорректируем некоторые пункты моего проживания.

— Давайте. Давайте, — неожиданно мягко повторила она, затем со всего маху ударила мне в лицо открытой ладонью. — Ты сейчас будешь это жрать, скотина!

Она рвала листы, сминала их, а комки пыталась засунуть в мой рот.

— Жри, сука! Жри свой контракт! Подавись им и сдохни! Мразь!

— Что с вами, Доминика? — Признаться, я впервые видел её такой злой. Сладкая жестокость это одно, а вот неприкрытая злость...

— Что со мной? Да ты меня бесишь! Ты жалкий червь! Ты ничтожество! Ты не мужчина! Ты опущенная тварь! Ты безропотно встал на колени перед тем, кто уничтожил твою семью и растоптал твою жизнь! Ты целовал ему ноги! Ты дерьмо. До сегодняшнего дня у меня даже оставалось к тебе немного уважения. Ты терпелив и покорен, да — дурак, да — сходишь с ума от унижения, но все же, я считала тебя человеком. Оказалось — ты просто ходячая фекалия! Ползи вон с моей территории и никогда не возвращайся. Ползи, пока я на полном серьезе не раздавила твои никчемные яйца!

— А где же мой паспорт? Верните мне паспорт!

— Твой паспорт сгорел в камине, вместе с правами, военником и заганниокм. Пошел вон!

Я медленно пополз в сторону ворот.

— А деньги? — спросил я. — Доминика, мне не нужны мои миллионы... мне нужно лишь немного, чтобы встать на ноги. Для вас это ведь копейки...

— Я сейчас позову охрану, и тебе разорвут жопу! Ползи отсюда.

Продолжая ползти, я на секунду обернулся, посмотреть ей в лицо. Доминика была явно чем-то расстроена. Её мимика свидетельствовала о том, что она вот-вот заплачет.

— Верните хотя бы одежду, — попросил я, когда до ворот оставалось совсем немного.

— Я ведь жестокая и развратная стерва, поэтому хочу, чтобы из моего дома ты выполз на коленях и полностью без одежды.

Калитка щелкнула и открылась. Я не хотел никуда идти, было желание лечь у её ног.

— Доминика, у вас большой дом большая территория! Прошу, выделите мне место. Я буду делать грязную работу. Блин, да хотите, даже асфальт буду зубной щеткой начищать! Мне не нужно место в доме для прислуги, я готов жить в собачьей будке! Готов носить ошейник с вашим именем.

— Люблю видеть мужчин в таком качестве, но на эту роль я подберу кого-нибудь другого.

— Неужели за все мои миллионы я не заслуживаю занять это унизительное место!?

— Ползи, я сказала! Можешь считать себя дешевой шлюхой, которую трахнули и выкинули под забор. Хотя, в каком-то смысле — это так и есть.

Оставив за собой ворота, я во второй раз обернулся. Кирпичный забор почти полностью отгораживал свет фонарей, была полутьма, но в этой полутьме, от какого-то случайного луча, блеснули её мокрые от слёз глаза.

— Доминика, что с вами?

— Пошел вон! — всхлипнула она.

Дерзко наплевав на все правила, я поднялся с колен и подошел к ней. Вместо того чтобы обругать или ударить она сделала последний шаг мне навстречу и обняла. Я без промедлений обнял её. Через секунду она с силой оттолкнула меня, но в этом отталкивании я не почувствовал неприязни, напротив, она как будто куда-то меня куда-то вела. Я уперся спиной в кирпичную стену.

— Здесь мертвая зона, — сказала она. — Камеры нас не видят.

И в тот же миг вновь прижала меня к себе. Я ответил тем же. Это было прекрасно! Почти невероятно! Она трогала мою спину, нежно прикасалась к шее, лицу. Затем мы поцеловались. Сперва робко, как дети, но со второго захода совсем как взрослые. Оказывается, до этой минуты я не знал что такое эйфория.

Ощутив у себя эрекцию, которая толкала мой член в её шорты, я сильно обрадовался, даже не смотря на боль в яйцах. Доминика быстро становилась горячей, при этом тихонько плакала.

— Прости, — прошептала она.

— Доминика, вы — это лучшее что со мной случилось, — прошептал я то, в чем давно хотел ей признаться. — Вы настоящая. Вы именно такая, о какой я мечтал с самой юности. Вы не обманули ни одного моего ожидания.

— Только ты беги от меня! Пожалуйста. Прошу, беги! Иначе я уничтожу тебя. Если ты сейчас выпросишь себя оставить, завтра я буду пытать и истязать тебя. Ты будешь подвешен и изнасилован. Ты даже представить не можешь что еще я с тобой сделаю...

— Доминика, но почему?

— Потому что таков мой характер. Я люблю мучить и причинять людям страдания, такова моя суть. Но тебя мне искренне жаль. Ты хороший человек. Хоть и тварь конечно, но ты тоже — настоящий. Ты тоже не играешь, тебе действительно нравиться быть униженным. И в этом ты готов падать на самое дно. Я еще никогда не встречала того, кому бы так сильно нравилось унижение. Обычно, даже те, кто говорят, что они это любят, все равно кричат «стоп!». Но ты не крикнул. Ты не метался в панике, ты лишь тихонечко возмущался, плакал, но продолжал терпеть. Нам нельзя быть вместе — мы не знаем предела. Ты в унижениях, я в истязаниях. Поэтому, прошу — уходи. В ста метрах отсюда есть мусорка, там всегда кто-то оставляет неплохую одежду. Просто иди...

Я заглушил её слова новым поцелуем. Затем засунул руку ей в шортики, обнаружив там трусики. Отодвинув тоненькую эластичную, ткань я начал нежно играть пальчиками с её киской. Доминика запрокинула голову и в беззвучном стоне закатила глаза. У нее там всё стало мокро как после дождя.

— Нам нельзя долго здесь оставаться, — прошептала она.

— Ты же хозяйка.

— Да, но слухи...

И в эту секунду я вторгся в неё на всю глубину двух пальцев. Она вновь слегка запрокинула голову.

Доминика уже трогала мой член. А возбудился он не на шутку, так, что даже 9 сантиметров уже не казались маленькими. Спустя миг она выскользнула из моих ласкающих объятий, села на корточки и без дополнительных прелюдий запихнула член себе в рот. Теперь голову запрокинул я. Мне уже давным-давно никто не сосал. Мой член вообще позабыл других партнёрш кроме правой руки. Она заглатывала на всю длину и работала язычком. Несколько раз даже хрюкнула, и я вспомнил, что такое быть мужчиной. Я обхватил её голову и стал

насаживать свою госпожу, как когда-то давно насаживал своих шлюх. Потом я двумя согнутыми пальцами перекрыл ей носовое дыхание, другой рукой остановил амплитуду сосания, а член вогнал как можно глубже. Она начала задыхаться, но я не спешил отпускать. И лишь когда она издала тоненький, по-настоящему женственный стон, я разрешил ей вздохнуть. Затем она еще пару раз хрюкнула и я кончил.

Кончил напористо, залив ей губы, щеки и нос. Боль в яичках многократно усилила удовольствие от оргазма! И я вдруг понял, что именно это и есть счастье. Коктейль боли и удовольствия вознес меня на вершину блаженства. Плюс к этому, я никогда не испытывал такого продолжительного оргазма!

Внезапно над нами зажегся свет, шедший от двух выставленных за территорию фонарей, которые до этой секунды стояли во тьме. Из приоткрытой калитки появился мужчина, следом выбежал второй. Доминика даже не успела подняться с корточек, а уж тем более не успела убрать сперму с лица.

— Вот гадёныш! — рассвирепел коренастый дядька охранник. — Я тебе сейчас ноги переломаю!..

— Стоять! — приказала Доминика, выпрямившись и одним движением ладони убрав мое семя. — Всё в порядке. Идите обратно и погасите свет!

Мужчины растерянно переглянулись и, постояв в замешательстве еще несколько секунд, схлынули за ворота.

— Вот блин черт, — удрученно сказала Доминика.

А мне было плевать, я напротив чувствовал себя на вершине. Отъебать в рот свою мучительницу, разве это не повод для радости?!

— Всё, тебе нужно уходить, — сказала она. — Не заставляй меня снова причинять тебе боль. Иди.

— Доминика, эта боль самое чудесное что я когда-либо пережил.

— Точно сумасшедший. Если ты не уйдешь, у нас будут проблемы. И у тебя, и у меня. В Его системе я не могу делать, как мне захочется. Он решает — я выполняю. Если бы он не дал четких указаний, я бы оставила тебя, но он хочет чтобы теперь ты стал бомжом. Кстати, он намного более жестокий, чем я. Ты даже не представляешь какие ужасы он вытворял со своими конкурентами, которые были им разорены. Даже, наверное, правильно, что ты встал перед ним на колени и поцеловал обувь. Это заставило его почувствовать победу. С твоей стороны это хоть и низкий поступок, но так было правильно. Кстати, вообще-то он пока не хотел встречаться с тобой, но видимо передумал. Что он сказал тебе?

— Сказал, что мог убить меня, но не стал... так как я раб и это его вполне устраивает. Просил благодарить за оставленную мне жизнь.

— Понятно. А перед тем как уехать, он, зная, как я люблю пытать мужчин, приказал, чтобы я раздавила тебе яйца, но я, как ты понял, не стала этого делать. А то, что больно — это ерунда. Проститутки на БДСМ сессиях и не такое вытворяют. Короче, мой совет: не попадайся ему на глаза никогда! Лучше уезжай из города. Попробуй принять всё как есть и начать новую жизнь. Отомстить ты теперь всё равно не сможешь, между вашими статусами огромная пропасть, только будешь зря изводить свои нервы. Несмотря на то, что он получил всё что хотел и даже больше, не факт, что он снова не захочет физически тебя устранить. В твоем нынешнем положении, когда ты без денег, жилья и документов, сделать ему это будет проще простого.

— Возможно, я послушаюсь твоего совета, но эта игра еще не окончена, Доминика.

Напоследок мы быстро обнялись.

***

Гордо и спокойно я шел в ночи меж коттеджей. Мне было плевать, что я голый и голодный! Я испытывал чувство любви к Доминике, и оно заменяло мне всё.

На мусорке отыскалась действительно неплохая одежда. Облачаясь в добротный костюм, вспомнились Сифон и Брода, жившие на рублёвской помойке и не знавшие горя.

Чувство теплой нежности к Доминике шло по нарастающей. Я мечтал оказаться с ней в одной кроватке и уснуть в крепких объятиях. Обида? Злость? Нет. Одна лишь любовь и благодарность.

Но была проблема — мой враг! Это по его воле я оказался под забором как выброшенная проститутка. Это по его воле случились страшные и непоправимые вещи. Жаль, нельзя отыграть эту историю немного назад, жаль нельзя повторить её заново. Да, я молод и глуп, раз решил поставить на кон всё ради бури страстей. Банковские счета уничтожены, а всё что мне принадлежало — распродано. Если бы осталось хоть что-то, что помогло бы мне снова подняться, но нет даже мелочи на автобус до города.

Мысли о будущем уже начинали тревожить меня, но в то же время мне вдруг показалось, что это только начало моей истории. Что нельзя сейчас опускать руки, а нужно начинать сводить счеты.

© eric, 2017